

**АННА
ЛИТВИНОВА**

**СОЛНЦЕ
ПРОТИВ ПРАВИЛ**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Солнце против правил / Анна Литвинова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168311-5

Лию называют «солнышком». Девушку еще в детстве предали самые близкие люди, но она смогла выплыть. Окончила медучилище, нашла работу в престижном санатории и старалась всегда улыбаться, хотя на душе и черно.

Лиля надеется, что с тяжким прошлым покончено навсегда. Кто мог подумать, что обаятельный пациент-москвич, за которым гоняются все незамужние медсестры, окажется гостем из ее прежней, беспросветной жизни? Молодой человек предлагает вместе восстановить справедливость. Лиля соглашается, но вскоре понимает, что компаньон вовсе не собирается помогать ей, а преследует собственные цели...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168311-5

© Литвинова А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Ей часто хотелось выбить из головы все мысли, *вытасть* из мира. И когда разгонялась на электросамокате до максимальной скорости, это получалось.

На личный транспорт Лия копила полгода. Хранить средство передвижения приходилось в сарае — грязь в комнате квартирная хозяйка разводить запрещала. В холодные ночи девушка беспокоилась, бегала, укрывала любимца старым одеяльцем. И гоняла на самокате в любую погоду — хоть в дождь, хоть в морозы. Впрочем, в Целебноводске за суровую зиму и легкий снежок почитают.

Лия по происхождению «ма-асквичка» (как подкалывали ее местные). Но с одиннадцати лет в интернате, и в столице ничего не держало. Сразу, как медучилище окончила, подалась на юга. В Краснодарском крае не понравилось. Летом жара адская, толпы, на работе пахать приходится в три смены. Зимой — ледяная сырость

с моря, отдыхающих ноль, и зарплата резко падала. В Целебноводске, на Ставрополье, показалось комфортнее. «Курортных волн» нет — народ круглый год водичку попивает. И климат мягче.

Считалось, что в хороший санаторий устроиться здесь можно только по протекции, но Лия путь от социального, с вредными бабками, до лучшей в городе пятизвездки «Исток совершенства» прошла без всякого блата. Хороший специалист сам себя продаст. Иных коллег отдыхающие раздражали, а ее, наоборот, азарт разбирал: как даже самую противную старушеницу умаслить, чтоб гнев на милость сменила? Оказалось, всего-то и надо: с улыбкой про здоровье осведомиться, спросить, комфортная ли водичка, после процедуры полотенце подать с видом, будто ты гардеробщица, а пациентка королева. Ну и процедуру, душ Шарко, не просто делать по всем правилам, но чего-то от себя добавить — например, массаж пяток горячими водяными струями.

Лия почти всегда улыбалась. Людям нравилось — прозвали «солнышком». И самой помогало: забыть про пустоту, что внутри.

Вот и сегодня с утра — мимоходом, по пути на работу, ослепила соседа Левушку (диковатого частного экскурсовода), бабу Пашу (та с ран-

него утра сидела у курортного парка, продавала орешки) и нескольких курортниц.

Сосед сразу приосанился, живот втянул, баба Паша сунула горсть чищенных грецких, а курортницы восторгаться начали: удивительно, мол, среди вечно хмурых местных приветливую девушку встретить.

Народ на Ставрополье, действительно, без дела зубы скалить не любит.

Лия, когда перебралась в Целебноводск, тоже поначалу ежилась под неулыбчивыми взглядами аборигенов. Но со временем разобралась: тут почти у всех кабардино-балкарские корни, и радостные гримасы попусту строить гордый народ не приучен. Зато если признали тебя своей — из любой беды вытянут. Пусть и без улыбки.

Когда Лия (молодая, симпатичная и одинокая) собиралась перебраться на Кавказ, все отговаривали:

— Уташат тебя в горы! Снасильничают!

Однако ж хоть и улыбалась почти всем встречным, и юбку короткую иногда надевала, а никто не трогал.

Как тот же сосед-экскурсовод говорил:

— Наш мужик чует — кого можно, кого нельзя.

Сам он давно предлагал — руку, сердце и роль помощницы в своем бизнесе, но Лие толстый

Левушка совсем не нравился, поэтому категорически отказывалась: и от частной экскурсии, и даже от чашки чая в уличном кафе.

Семья, отношения — не для нее. От мужчин — даже самых с виду положительных — всегда ждала подвоха. Это еще с детства. Отец и брат отучили сильному полу верить.

...По узкому участку улицы, где полно пешеходов, Лия вела электросамокат «в поводу», но едва входила в курортный парк, разгонялась от души. Кайф неопишуемый: несешься, в лицо хрусткий горный воздух, волосы развеваются, вороны (их в Целебноводске немерено) вслед орут.

Обычно затыкала уши громкой музыкой, для полного отрыва, но вчера забыла сунуть гаджет на зарядку, поэтому мчалась сегодня исключительно под свист ветра. И когда ехала мимо фонтана влюбленных, услышала истеричное мяуканье.

Притормозила, спешила, подошла. Воду давно спустили — на дворе ноябрь. Глубина — метра три. И со дна вопит-надрывается мелкий котенок. Совсем малыш, лапы разъезжаются, но голос громкий, недовольный.

Зеваки (в основном пожилые курортницы) ахают:

— Кто ж тебя туда закинул, милый?!

А единственный среди зрителей мужчина — вполне себе молодой и спортивный — видео-съемку ведет, как животное по пустому фонтану в отчаянии носится.

Лия сразу к ютьюберу (или кто он там). Мышцы лица растянула в привычной улыбке, предложила:

— Достанем?

— А вылезать как?

— Придумаем, — беспечно отозвалась она.

— Не, я подтягиваться не умею.

Хотелось высказать, кто он есть, но жизнь на Кавказе приучила: язык придерживать. Молча отвернулась. Скинула куртку, положила на па-рапет. С сожалением поглядела на ногти (ма-никюр только вчера сделала). И прыгнула.

Котенок, несчастный, одинокий, саму себя напомнил — тоже никому не нужную. Так что и думать нечего, как потом выбираться, — надо помогать.

Но благодарности не дождалась — котейка от своей спасительницы бросился прочь, а когда смогла загнать в угол — выгнул спину, оскалил-ся, зашипел.

— Бешеный! Лучше не трожь! — крикнул сверху ютьюбер.

Лия попыталась схватить звереныша за шкирку — извернулся, ускользнул, мечется, огрыза-

ется. Она бежит за ним, но животное шустрее. Да не просто удирает — цапнуть пытается.

Бабуси-наблюдательницы причитают:

— Боится он, бедненький! Тебе б его подцепить чем!

Но тут подошел пожилой густобровый смотритель. Загрохотал:

— Куда залезла?

— Котика она спасает! — вступились болельщицы-бабки.

Пожилой кавказец безжалостно хмыкнул:

— Всяко сдохнет, беспризорник.

А Лия — очень кстати — вспомнила дядечкино имя — городок-то маленький, знакомых полно. Улыбнулась:

— Дядя Бийберт, да он не скоро сдохнет. Еще пару дней может орать. Вам же курортники и будут мозг выносить! У вас есть что-то типа сачка?

— Да принес я. Только не справишься ты. Тяжелый он.

Протянул сачок — Лия едва не выронила. А неудобный какой — пока взметнешь, кот пять раз убежать успеет.

Но все-таки умудрилась: загнала в угол. Завопила диким голосом — котейка в страхе уши прижал. И захлопнула мышеловку. Бабки горячатся, советы дают:

— Теперь держи крепче! Рукой прихвати! Смотри, чтоб не цапнул!

Трус-ютьюбер с возбужденным лицом бегают, ракурсы выбирает. Еще несколько челов подошло, глазеют. И ни одна сволочь даже не попытается прыгнуть, помочь. Вот и думай: какой вообще в мужиках смысл?

С трудом подняла на вытянутых руках тяжеленный сачок — котенок болтался внутри. Выпустила страдальца. Бабки пытались сюсюкать — оскалился, зашипел, кинулся прочь. Сейчас посыплются очередные советы — за что хвататься, как вылезать. Но дядя Бийберт деловито сказал:

— Приступочек видишь? Туда иди.

Как раньше не заметила? Очень даже опция — забралась на него и сразу сэкономил метр. Подпрыгнула, ухватилась за кромку фонтана, подтянуться не смогла, позорно сорвалась. Но тут уж мужики снизошли. Велели прыгать еще раз, подхватили, вытащили. Ноготь, правда, все равно сломался. А джинсы все в пыли и на коленке ободранные.

Бабки квохчут, хвалят. Одна все порывалась интервью брать о ее героизме — для местной газеты. Ютьюбер тоже подвалил:

— Телефон свой давай.

— Зачем тебе?

— Видео скину. Круто получилось. Смонтирую, музыку добавлю из «Звездных войн». В сториз выложишь — звездой станешь!

Лия — практически местная, третий калач — номер свой на улице сроду никому не засвечивала. Но в социальной сети, тут парень прав, подвигом похвастаться надо — так что, в виде исключения, десять цифр продиктовала.

И только потом взглянула на часы. Ничего себе: уже семь пятьдесят шесть. А ровно в восемь ей надо на проходной отметиться. Пришлось взбаламутить чинное утро Целебноводска: выжимала из самоката максимум, пешеходы шарахались, машины гудели. Санаторий у них живет по суровым законам: не явилась вовремя — тысяча рублей штраф и гневное назидание от начмеда.

К проходной подлетела в критические семь пятьдесят девять и сорок секунд. Вроде бы шансов нет. Но пожилой охранник дядя Макс тоже симпатизировал улыбчивой медсестре. Подждал на улице, у сторожки — где надо было отмечать пропуск. Выхватил из рук магнитную карточку, рванул внутрь, приложил к считывателю, выдохнул:

— Ф-фух. Успел.

— Спасибо, дядечка Максичек!

Но у прибора отметитья — еще полпроблемы.

Быстренько припарковала самокат, рысью к себе, в душевое. Давно замечено: когда приходишь с запасом, первые пациенты вальяжной походкой являются часиков в девять. Но сегодня — закон подлости в действии — на диванчике уже сидела склочная на вид дама в белоснежном махровом халате и с огромной сумкой «Шанель». Тетя Люся, уборщица, суетилась — подавала травяной чаек, предлагала кислородный коктейль, — но пациентка надменно отмахивалась:

— Не надо мне ничего!

Увидела встрепанную Лию, напустилась:

— Уже пять минут вас жду!

— Простите. Форс-мажор.

— Вот что за страна! Вроде пять звезд у гостиницы, а сервиса все равно никакого, — продолжала возмущаться.

Даме лет пятьдесят с хвостом, лицо улучшено-закачано-перепахано так, что кукла прямо вылитая. Лия — с ее природной свежестью и натуральным румянцем — таких всегда раздражала. Но тем интереснее вину загладить и пациентку обаять.

Спросила дружелюбно:

— У вас следующая процедура когда?

— Тебе-то какая разница?

— Если не очень спешите, могу *двойной Шарко* сделать. В качестве компенсации за неудобства.

Глаза кукольной тети блеснули торжеством. Лия всегда удивлялась: цена на душ, в сравнении с более современными и модными усладами, — практически копейки, шестьсот рублей. Но пациенты бьются за каждую минуту насмерть. Однажды целый скандал ей устроили: склочный дядечка утверждал, что песочные часы «подкручены» и по факту его каждый день обделяют. До начмеда дошел, вместе явились — внезапно. Сравнивали время по таймеру. Когда все сошлось до тютельки — извиниться даже не подумал.

У молодящейся дамы в медицинской карте — процедур на сто тысяч, а сумка от натуральной «Шанели», как объяснили Лие старшие медсестры, стоит сумасшедшие евро. Но поди ж ты: обрадовалась. Кивнула милостиво:

— Ладно. Так и быть.

И царственно пошагала в душевое.

Лия мухой бросилась в раздевалку, одежду оставила на полу, сломанный ноготь, чтоб не мешал, откусила — только бы пациентку больше не задерживать. Но когда заглянула в предбанник — тетя еще только раздевается. Под халатом

зачем-то и бюстгальтер, и майка с кружевами. Шлепанцы на каблучках и с пушистым помпоном.

Вот блин. Опять проблема. Под душ в таких не встанешь, помпон облысеет. А тряпочные санаторные тапочки — жутко скользкие. Опытные пациенты приносили собственную пластиковую обувь — пусть не гламурную, но устойчивую. Но куколка, конечно, обрядилась в одноразовые.

Лия предупредила:

— Вы только осторожно. Там плитка. И напор воды сильный.

Отмахнулась:

— Справлюсь.

Но едва медсестра включила душ, попросила приподнять стопу — чтобы помассировать водяной струей пятку, — тапочку с ноги сорвало, унесло.

— Совок — он и есть совок, — пригвоздила пациентка. — Все у вас через ж... — Пинком сбросила вторую тапку. Проворчала: — Еще грибок тут подцепишь.

— Могу принести шлепки, — предложила Лия.

— Свои? — ухмыльнулась красавица.

— Нет. Новые.

Несколько раз говорила начмеду: нужно что-то решать со скользкими тапками, но вопрос